

Е. В. Аладьин

Кочубей

Старые годы. Русские исторические повести и рассказы первой половины XIX века./ Сост. и подгот. текста А. Рогинского. -- М.: Худож. лит., 1989.

(Классики и современники. Русская классич. лит-ра).

[OCR Бычков М. Н.](#)

ГЛАВА I

Наше счастье разбитое

Видим мы игрушкой волн;

И в далекий мрак сердитое

Море мчит наш бедный чолн.

Шумно пировали знаменитые гости за роскошным столом Василия Леонтьевича Кочубея. В день ангела милой жены своей, Любви, он угощал гетмана Мазепу, всю знать войсковую и любезного князя Обидовского: золотой мед и дорогое венгерское кипели в тяжелых кубках, девы и жены скромно шептались между собою; а смелые, воинственные питомцы Днепра вспоминали свои победы, желали новых и, пожимая друг другу руки, пили за славу, дружбу и гостеприимную Любовь! Лица всех оживотворялись улыбкою; как безоблачное небо, были души их -- и яркое солнце весело глядело в окна чистой светлицы на званый пир богатого хлебосола.

-- Василий Леонтьевич! -- сказал Мазепа сидевшему об руку с ним, Кочубею, когда прочие гости на минуту умолкли.-- Ты счастливейший человек в мире. Кто не позавидует тебе?

-- Господин гетман,-- подхватил Кочубей,-- все Божие, а не мое, да будет благословенно имя Его!

-- Чего же недостает у тебя? Острою саблею ты зарубил имя твое на ущербной луне поклонников Магомета; кроме язв чести, ты не знал недугов; золота у тебя, как песку окрест Киева; на твою Любовь нельзя наглядеться, на твоих детей мало века налюбоваться! Жизнь твоя течет, как светлый праздник, весело и беззаботно.

-- Хвала Богу! -- отвечал Кочубей.-- Я уже не молю Его, но благодарю только за щедроты; я пресыщен Его дарами; Он так неистощим, как мои желания; Он благ, как только Он сам, но...

-- Но так всевластен, хочешь ты сказать,-- подхватил Мазепа,-- что в один миг может истребить даже и следы прежних лет милости?

-- Нет, гетман! Я не знаю Бога казни. Я хотел сказать, что Он так правосуден, так неподкупно строг, что недостойные вовеки не внидут в чертог Его славы! Что же значит богатство, что счастье земли без вечного блаженства? Без него все наслаждения не полны -- и душа моя, как сирота, приласканная на чужбине, минутно весела и постоянно печальна!

-- Умный Василий,-- прервал гетман, взяв его за руку.-- Оставим это. Я хочу быть в гостях у храброго товарища, у веселого хозяина, а не у печального проповедника. Не memento Mori, но здоровье твоей супруги и всего дома наш лозунг! Да здравствует царица пиршества Любовь! -- воскликнул он.-- Да здравствует Любовь! -- повторили все гости, кубки чокнулись, загремели турецкие литавры, и Любовь -- именинница поклонилась гостям.

С шумом отодвинулись стулья, веселы встали пирующие, стыдливые девы убежали, как тени, и домовитые жены увели Любовь в роскошную опочивальню. Мужчины остались одни, слава Малой России была предметом их разговоров: все удивлялись родине, благословляли царя Московского; один Мазепа вздрагивал при каждой клике их восторга; как отверженный Аввадона, смотрел он на них мутными очами и спешил укрыться от внимания других в кругу тихо беседующих жен и девиц.